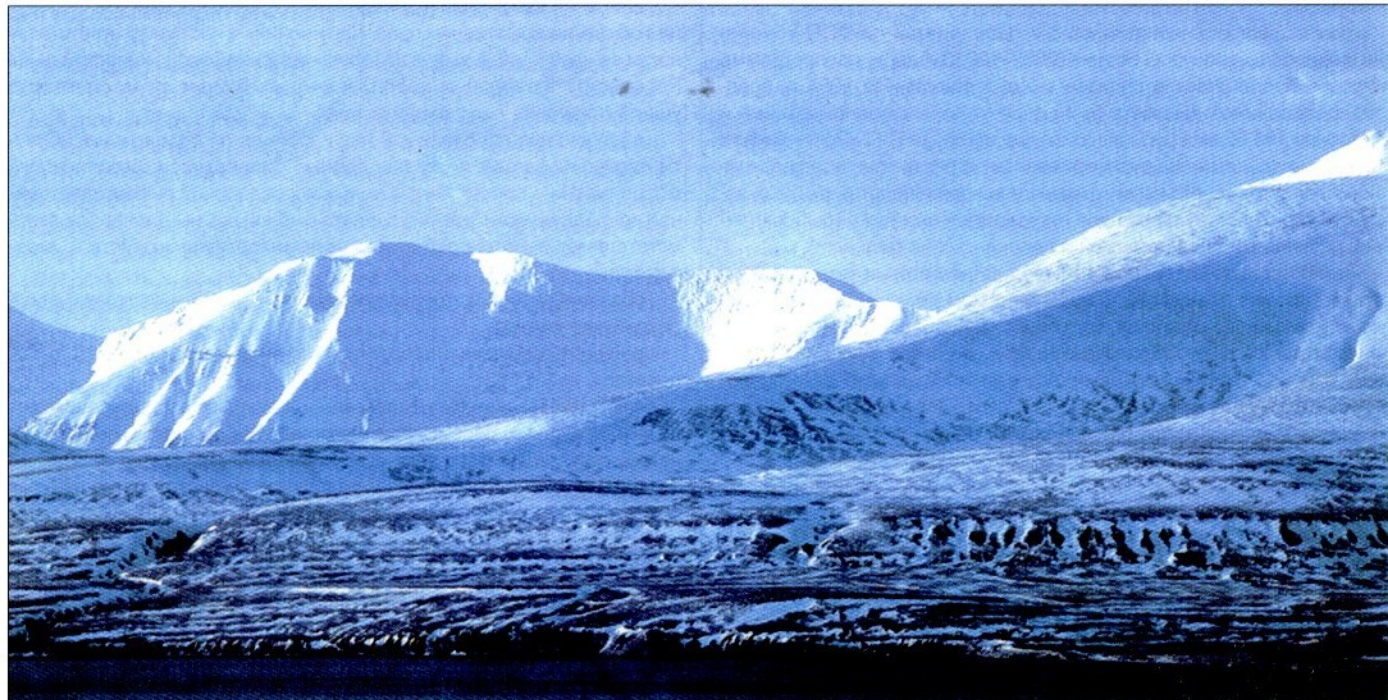

В защиту российских интересов на архипелаге Шпицберген

Д-р техн. наук, акад. Международной академии «Информация, связь, управление в технике, природе, обществе» А.Ф. Федоров – ВНИРО

В.А. Слободяник – генеральный директор ЗАО «Леком Фиш Трейд»

Архипелаг имеет три хорошо известных в мире наименования: у поморов – Грумант, в Норвегии – Свальбард и для широкого пользования – Шпицберген. Именно так архипелаг был назван его первооткрывателем В. Баренцем.

В прошлом эта земля никому не была нужна, так как кроме снега, льда и тундры первооткрыватели ничего там не находили. Правда, воды Шпицбергена известны в морской истории как район, где впервые в мире была начата война за морские биоресурсы. Было это более 250 лет назад. Впрочем, огромную массу гренландских китов, обитающих в водах, омывающих Шпицберген, быстро прикончили, и военные страсти утихли.

Однако после того, как на архипелаге был найден уголь, на эти заполярные земли нашлось достаточно много претендентов. Поэтому вполне закономерно возник вопрос: «А кто же все-таки владеет островами архипелага?»

После долгих дискуссий этот вопрос в 1914 г. был почти разрешен, но началась первая мировая война. Естественно, что государствам, заинтересованным в добыче угля на Шпицбергене, стало не до архипелага.

Вторично этот вопрос был поднят только 6 лет спустя и разрешен 9 февраля 1920 г., когда в Париже заключили «Договор о Шпицбергене». Если использовать современную терминологию, архипелаг превратился в «свободную экономическую зону».

Согласно Договору, Норвегия приобретала над Шпицбергенем полный и абсолютный суверенитет, но при условии, что

все остальные участники Договора получали **равные права и возможности** вести хозяйственную деятельность на суше и рыболовство в территориальных водах архипелага. При этом никаких преимуществ граждане Норвегии не получали.

Однако этим Договором создавались особые условия так называемого «ограниченного суверенитета», который позволял Норвегии оказывать влияние на активность партнеров, оценивая их действия с точки зрения **экологической безопасности вод и земель**. Это было предусмотрено в ч. II ст. 2 Договора, которая гласит, что Норвегия может «принимать или провозглашать меры, могущие обеспечить сохранение и, если нужно, восстановление флоры и фауны в указанных местностях и их территориальных водах».

Здесь уместно особо отметить, что на серьезность формулировки этой статьи и особенно возможные последствия ее одностороннего применения Норвегией ни дипломаты, ни юристы в то время внимания не обратили. Впрочем, это вполне объяснимо, так как в первой половине XX века еще никто не знал, что такое «экология», тем более что природные богатства считались неисчерпаемыми.

В целом же «Договор о Шпицбергене» до настоящего времени является уникальным международным документом, направленным на мирное решение проблем многосторонних договоренностей не только об особом политическом статусе, но и о равноправных возможностях различных государств в эксплуатации природных ресурсов на огромной территории. В силу целого ряда обстоятельств Советская Россия присоединилась

к «Договору о Шпицбергене» только 15 лет спустя после его подписания, а именно 7 мая 1935 г.

Однако, уже в конце XX века Норвегия стала активно проявлять интерес к одностороннему усилению своего присутствия на Шпицбергене и в омывающих его водах. Вполне естественно, что для достижения этих целей наиболее простым и верным способом стало использование выше обозначенной статьи Договора, так как именно она позволяла осуществлять любые действия, прикрывая их модными лозунгами об охране и защите природы.

Впервые это проявилось во времена ажиотажа, связанного с установлением экономических зон в море. Именно тогда Королевским декретом от 3 июня 1977 г. Норвегия объявила об установлении вокруг Шпицбергена 200-мильной рыбоохранной зоны.

Представляется вполне очевидным, что подобное решение могло быть принято только на основании согласия всех стран-участниц, так как в ч. 1 ст. 2 четко прописано, что государства, подписавшие Договор 1920 г., на одинаковых основаниях допускаются к осуществлению права на рыбную ловлю и охоту в районе архипелага и его территориальных водах (*Вылегжанин, 2001*). Однако этого не произошло. Более того, участники Договора молчаливо приняли это решение. Только Советский Союз выступил 15 июня 1977 г. с нотой, в которой указывалось на явное нарушение Норвегией «Договора о Шпицбергене».

Кроме того, в конце XX века, в силу различных обстоятельств, Министерство рыбного хозяйства СССР неоднократно соглашалось с неправомерными поступками Норвегии, чем постепенно все более и более осложнялась рыбопромысловая деятельность наших судов в районе о. Медвежий и архипелага Шпицберген. Можно предположить, что именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что в Норвегии стали издаваться законы, все более ужесточавшие производственную деятельность российских судов в море и предприятий на территории Шпицбергена.

Именно в этот период норвежские власти предприняли такие действия в водах Шпицбергена, которые вообще не укладываются в нормы международного рыболовства. Так, например, в июле 1998 г. они закрывают промысел в районе о. Медвежий для 4 российских траулеров, позднее арестовывают траулер «Новокуйбышевск»; в апреле 2001 г. арестовывают и доставляют в порт Тромсе траулер «Чернигов» и т.д.

Все это осуществлялось в соответствии с «Законом о береговой охране» от 13 июня 1997 г., который был издан для улучшения контроля за промысловой деятельностью исключительно в экономической зоне Норвегии, т.е. фактически можно считать, что этот закон вообще не имеет никакого отношения к водам, омывающим Шпицберген.

Когда действия кораблей береговой охраны Норвегии перешли все допустимо терпимые рамки, Россия была вынуждена привлечь для защиты интересов наших рыбаков военные корабли Северного флота. С появлением этих кораблей летом 2001 г. в районах промысла проверки российских рыбопромысловых судов кораблями норвежской береговой охраны прекратились.

Однако, как только российские военные корабли ушли, суда норвежской береговой охраны продолжили свой прессинг на российских рыбаков.

К сожалению, подобное происходит не только в водах, но и на территории архипелага, где Норвегия настойчиво демонстрирует свое стремление к абсолютизации национальных прав.

С этой целью норвежским стортингом, якобы в развитие ч. II ст. 2 «Договора о Шпицбергене», 15 июня 2001 г. был принят закон № 79 «Об охране окружающей среды на архипелаге Шпицберген». Некоторые формулировки этого закона, например, такая, как «Норвегия не только обладает правом, но и обязана установить и применять на практике правила охраны окружающей среды архипелага», по мнению юристов, явно противоречат нормам Парижского договора (*Тарасов, 2004*).

МИД России также считает, что закон от 15 июня 2001 г. нарушает основополагающие положения договора 1920 г. Так, например, А. Авдеев, заместитель министра иностранных дел РФ, заявил по этому поводу следующее: «Норвегия желает объявить чуть ли не заповедниками те местности, где наши шахтеры добывают уголь либо собираются его добывать, и заставляет нас таким образом уходить с острова» (*Дзагуто, 2001*).

Действительно, под благовидным предлогом создания заповедников норвежское правительство распространяет свои природоохранные действия именно на те российские территории, где имеются перспективные месторождения угля и других полезных ископаемых. Кроме того, России не дают развивать инфраструктуру действующих предприятий и поселений. Так, например, было запрещено строительство дороги между Баренцбургом и Коулз-Беем. Не согласовываются российские планы строительства линии высоковольтной передачи, необходимой для развития производства и т.п.

Все это происходит тогда, когда на территории архипелага уже имеется три национальных парка, два заповедника, три района сохранения растительности и 15 птичьих заповедников. В фактическом выражении заповедные территории уже занимают более половины земель архипелага.

К сожалению, в российском присутствии на Шпицбергене за годы перестройки произошла еще одна существенная потеря, так как основной пользователь шпицбергенского угля в лице советского треста «Арктикуголь» практически полностью утратил свое влияние на архипелаге. Действительно, в настоящее время у Треста осталась всего одна действующая шахта в Баренцбурге, так как «Груммант» был законсервирован еще в 1961 г., а «Пирамиду» пришлось закрыть в 1998 г.

Ради объективной оценки надо признать, что существенная роль в трагедии «Арктикугля», безусловно, принадлежит государству, так как в период перестройки финансирование практически было прекращено, а выжить за счет сбыта собственной продукции не представлялось возможным, поскольку несурзанности таможенного законодательства были доведены до абсурда. Например, шпицбергенский (т.е. российский) уголь, доставляемый с российских территорий архипелага, облагался в российских портах всеми пошлинами как сугубо заграничный товар.

Наиболее объективно по этому поводу высказался в своем интервью «Литературной газете» от 15.10.1997 г. «Чем обернется для России потеря стратегического северного форпоста? Шпицберген – это геополитика» губернатор Мурманской области Ю.А. Евдокимов: «Порой складывается впечатление, будто всей совокупностью фискальных мер Россию буквально подталкивают к уходу со Шпицбергена».

Оценивая сложившуюся обстановку, можно утверждать, что сегодняшнее право российского присутствия на исторически принадлежащих нам территориях архипелага находится в су-

щественно более тяжелом положении, чем это было в период 1909 – 1912 гг. Правда, в тот период нашелся патриот России – ученый-полярник В. Русанов, которому удалось только за время одной экспедиции на Шпицберген существенно изменить неблагоприятную обстановку в пользу России (Федоров, 2004).

Теперь, как и тогда, у нас проходят различные заседания и совещания, на которых примерно слово в слово повторяются формулировки того периода. В связи с этим небезынтересно напомнить слова представителя Императорского Военно-Морского флота России капитана 2-го ранга Ф.А. Матисена из его выступления 28 января 1909 г. на Межведомственном совещании, созванном МИД России с целью выяснения позиций различных министерств и ведомств относительно российских интересов на Шпицбергене.

Согласно стенограмме этого совещания, Ф.А. Матисен особо указывал, что «если Шпицберген попадет под влияние иностранной державы, то этим самым для России будет закрыт единственный оставшийся свободным выход в Атлантический океан. Таким образом, Шпицберген является для России объектом первостепенной важности» (см.: *Архив внешней политики России; ф. 2-департамент, 1-5, Р. 1У; 1894 – 1909 гг., д. 2 (4, л. 29 об.)*).

Безусловно, сейчас, как и тогда, ни у кого не вызывает сомнения тот очевидный факт, что присутствие современной России на архипелаге не только является подтверждением истории нашего Государства, но и имеет важнейшее **стратегическое** значение, которое может оказаться более важным, чем значение политическое или рыбохозяйственное.

Кажется, что во исполнение этого уже многое делается. Так, например, еще в 1998 г. постановлением Правительства РФ была создана Межведомственная комиссия по обеспечению сохранения российских интересов, производственной и научной деятельности на Шпицбергене. На своем выездном заседании, которое проходило на Шпицбергене в августе 2001 г., эта комиссия одобрила идею восстановления и реконструкции в Баренцбурге рыбообработывающего комплекса с холодильником и линиями по переработке трески и креветки (Волков, 2001).

Одобрила, но источника финансирования не указала! Хотя сама по себе эта идея – конечно, стоящая, так как известно, что еще в доперестроечный период в составе треста «Арктикуголь» успешно эксплуатировался рыбохозяйственный комплекс, который обеспечивал морепродуктами шахтеров. Имелся также проект создания на Шпицбергене водорослевого комбината.

Последним, наиболее заметным событием, затрагивающим интересы на Шпицбергене, было выездное заседание Комитета Совета Федерации по народам Севера, которое проходило в Мурманске в 2003 г. В протоколах этого заседания также отмечалось, что Шпицберген является зоной особых государственных интересов и что сохранение российского присутствия на архипелаге и осуществление там хозяйственной деятельности имеют важное экономическое, геополитическое и стратегическое значение (Щеглов, 2003). Однако опять-таки не совсем ясно, где взять финансирование для восстановления на архипелаге всего того, что было разрушено за годы перестройки?

На основании вышеизложенного представляется совершенно очевидным, насколько сейчас становится важным и необходимым для России, чтобы какая-либо известная отечествен-

ная компания не на словах, а на деле могла бы не только организовать, но и успешно эксплуатировать какое-либо солидное российское предприятие на Шпицбергене.

Именно таким предприятием может стать Федеральное государственное унитарное предприятие (ФГУП) «Национальные рыбные ресурсы», которое имеет в планах своего ближайшего развития программу, направленную на активную эксплуатацию биоресурсов прибрежных вод Шпицбергена.

В основу осуществления этого проекта заложены восстановление и полная модернизация бывшего рыбзавода треста «Арктикуголь» в Баренцбурге.

Можно допустить, что создание, по сути дела, нового, современного рыбоперерабатывающего предприятия, ориентированного на безотходную, комплексную переработку трески, пикши, креветки и, возможно, водорослей, обойдется «Национальным рыбным ресурсам» примерно в 7-8 млн долл. США.

Однако это вполне приемлемые затраты, так как многолетние исследования ПИНРО, проводимые в водах Медвежинско-Шпицбергенской промысловой зоны, подтверждают наличие надежной промысловой базы для лова северо-восточной трески, пикши и креветки.

Следовательно, при объемах квот, используемых в этом районе, полная самоокупаемость затрат укладывается во вполне приемлемые сроки. Тем более что норвежский закон «О рыбоохранной зоне» весьма относительно действует в водах, омывающих Шпицберген. Более того, достаточно хорошо известно, что рыболовные квоты в Медвежинско-Шпицбергенском районе Россия и Норвегия обычно делят поровну, не обостряя при этом вопросов о разногласиях по поводу юридического статуса «рыбоохранной зоны».

Кроме того, весьма перспективными представляются также добыча и переработка на шпицбергенском предприятии ФГУП «Нацрыбресурс» морских водорослей. Целесообразность организации водорослеперерабатывающего цеха объясняется тем, что макрофиты, обитающие в водах архипелага, имеют уникально высокую информационную и энергонасыщенность (Федоров, Злобин, 2002, 2003). Это обусловлено наличием над архипелагом достаточно редкого природного явления: так называемого «полярного каспа», который представляет из себя огромную магнитную воронку, раструб которой открыт в космос. Поэтому некоторые виды полуфабрикатов из обитающих там водорослей могут представлять определенный интерес для медицины XXI века.

Возможности повышения экономической эффективности работы новой компании целесообразно предусмотреть еще на этапе ее организации. Для этого необходимо учесть, что круглогодичная эксплуатация промысловых судов компании в водах Шпицбергена, в связи с климатическими условиями региона, невозможна. Поэтому целесообразно наряду с созданием инфраструктуры базирования и переработки море-продуктов на архипелаге предусмотреть создание подобного же комплекса на Мурмане. Подходящее место для организации такой базы имеется в одном из фиордов Западного Мурмана.

Зимнее базирование судов компании, промысловая эксплуатация их в этот период в водах прибрежного Мурмана и переработка сырья на собственной базе позволят избежать вынужденного простоя и получать дополнительные доходы.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что, как и в 1912 г., у нас еще есть возможность успешно отстаивать российские интересы на архипелаге.